

ПСИХОЛОГО-ПЕДАГОГИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ ХОРЕОГРАФИИ

УДК 37.013

И. Н. Димура

МУЖСКАЯ ТЕЛЕСНОСТЬ ГЛАЗАМИ МУЖЧИН

По данным Госкомстата, мужчин в нашей стране меньше, чем женщин, на 10,6 млн и живут они на 13,5 года меньше, чем женщины [1, с. 41].

В январе — марте 2015 г. нами опрошено 54 мужчины в возрасте от 20 до 60 лет. Из них 62,9% — в возрасте 20–30 лет, у 46,2% наличествует профессия, предполагающая физические нагрузки, каждый пятый — танцовщик. Треть из них петербуржцы, еще одна треть — новосибирцы, и столько же — жители Нижнего Тагила. Анкетой рассматривались вопросы отношения мужчин к собственному телу.

38,8% опрошенных мужчин, по собственному признанию, изредка занимаются телом (проявляют заботу о своем здоровье и ведут активный, здоровый образ жизни), столько же занимаются им регулярно, танцовщики — профессионально.

46,2% респондентов признают наличие у себя вредных привычек, каждый девятый имеет проблемы с лишним весом, столько же не уверены в этом (среди последних много корпулентных людей). Так проявляется разница в оценке собственной внешности мужчин и женщин: женщины более строги к собственной привлекательности, чем мужчины.

У 44,4% мужчин уже существуют проблемы со здоровьем, при этом более чем у четверти их отсутствуют индивидуальные практики тела (занятия физкультурой, медитация, рефлексия).

В немногочисленных исследованиях, использующих понятие «отношение к телесности» (Н. М. Ершова, Т. С. Леви, Л. А. Мясникова, В. П. Никитин), оно чаще всего описательно. Содержательный психологический анализ этого понятия в литературе отсутствует. Вместе с тем данная дефиниция перспективна в плане исследования связи личности с собой как с «телом». Единство телесного и душевного также подчеркивает категория «телесность». По мнению В. В. Иванова, культура медленно открывала тело человека в качестве произведения, искусства в том числе. Внешний взгляд на человеческое тело — позднее достижение цивилизации.

В современной гендерологии «женские» исследования составляют подавляющее большинство всех опубликованных текстов, «мужские» остаются в загоне. Налицо социальный заказ на всестороннее исследование гендерных проблем и восполнение имеющегося пробела — изучение изменения образа мужчины в современной культуре.

Предлагаемым исследованием попытаемся ответить на четыре вопроса:

- Что такое тело глазами мужчин?
- В чем особенности телесности мужчин, активно взаимодействующих с собственным телом, и его пассивных «потребителей»?
- В чем особенность гендерной метафоры?
- Какой телесный опыт можно считать специфически мужским?

1. Мужское тело глазами мужчин

Отношение человека к своему телу — неотъемлемая часть самоотношения и аккумуляция его сути. Поэтому важно дифференцировать отношение мужчин к телу не только в реальной практике, но и символическом, метафорическом, психологическом аспектах. Чем же характеризуется отношение к телу у мужчин в когнитивном, эмоциональном и конативном плане? То есть что думают, что чувствуют, что делают молодые мужчины со своим телом? Когнитивная компонента представляет меру осмысления телесного опыта респондентами, а эмоциональная выражает переживания респондента, связанные с телесностью.

Когниции включают в себя субъектное и объектное отношение. При объектной модальности к телу человек становится к нему в позицию внешнего наблюдателя. Тело в этом случае наделяется инструментальной ценностью: оно должно быть сильным и здоровым, заточенным инструментом для достижения каких-либо целей. Выражение «у меня есть тело» похоже на «у меня есть машина», «у меня есть дом» и т. п. Собственность требует заботы, содержания в порядке, но она не является «мною», и говорить с ней нельзя. Не осознавая свое тело, его состояния и потребности, мужчина рационально решает, как заботиться о нем. Он исходит из совершенных выборов, возникших на основе прошлого опыта или стереотипов. Тело — «рабочий инструмент» у четверти нами опрошенных: «Объект ценен, поскольку соответствует цели».

При объектной связи человек смотрит на себя глазами другого, а на тело в качестве объекта оценивания: «хорошее — плохое», «рабочее — больное», «устраивает — не устраивает» и т. п. В таком взаиморасположении исчезает способность чувствовать единство телесной и духовной тканей.

Эмоциональные оценки у наших респондентов часты, и, вероятно, это иногда связано с возрастом испытуемых, которые пишут о теле: «мрак», «боль», «гадость», «подводит меня», «тюрьма», «это», «моя прелесть»; «мое тело — не ваше дело!»; «тленная оболочка» (16,5% опрошенных). Пренебрежение к телу сочетается с его незнанием, неумением различать его потребности... Интересно, что этот конфликт сочетается у молодых мужчин с патриархальным отношением к женщине и распределению обязанностей в семье; невниманием к телу, незнание его сопрягаются с функциональным отношением к женщине, что подтверждают и данные консультационной работы.

Самое частое определение тела у опрошенных мужчин: «Мое тело — крепость, храм»; «храм Божий»; «дом Души, (духа)»; «опора Ума и Воли», «источник Жизни» (29,6% опрошенных). Идентификация Я с собственным телом в на-

шей выборке происходит нечасто. Тема тела как результата самостроительства редка.

Тело воспринимают как оболочку 17,5% респондентов. Так, в состоянии депрессии человек ощущает свое жизненное пространство сузившимся, теряется острота чувств, изменяется сенсорика. Д. Хелл пишет, что в этом состоянии «собственное тело воспринимается менее одушевленным, чем прежде, а в экстремальных случаях — как пустая оболочка» [цит. по: 2]. Для рисунков людей в депрессии характерно изображение кукольного тела, часто полностью скрытого под одеждой и маской. Идентификация с подобной телесностью переживается как серость мира, безрадостность, зажатость, невозможность осуществления аутентичных движений в мире, и в результате этого — потеря себя. Отсутствие контакта с собственным телом, отчуждение от него характерны для самовосприятия при наркомании. Сенсорная бедность и негативный локус телесных ощущений связаны с нежеланием быть «здесь и теперь», стремлением уйти в другую реальность. При шизофрении наблюдается крайняя степень разотождествления с собственным телом. «Связка Я-тело — Другой-Мир замещается иной: Я — Тело-Другой-Мир» [3, с. 28]. Мы ощущаем свое присутствие в мире через собственные движения, действия, поступки.

Увеличение степени субъектности по отношению к собственному телу свидетельствует о позитивных изменениях во всей личностной структуре и является неотъемлемой частью развития аутентичности. Эта закономерность обуславливает важность развития у детей, подростков и взрослых людей чувствительности к себе. Развитие субъектности происходит в процессе осознания чувственно-динамической телесной ткани и, как показывают исследования, возможно в процессе использования телесно-ориентированных практик [см.: 2].

Властное отношение к телу (18,4% опрошенных) ведет к приемам контроля над ним в виде диет, физических упражнений, фармакологии, косметики, символического потребления, гедонизма. Объектом можно владеть, манипулировать, менять так, чтобы он в большей степени соответствовал достижению цели, но его не важно понимать, с ним не обязательно считаться (то есть учитывать особенности, возможности, интересы). Властное отношение к телу проявляется в неумении его слышать, осознать многообразие внутренних ощущений, в недоверии к телесному опыту. «Мое тело — транспортное средство — плот», — сказал клиент с явным объектным отношением к телу. Поскольку телу нельзя доверять, его необходимо контролировать, заставлять, исправлять. О властном отношении к телу свидетельствуют высказывания типа: «Мое тело нуждается в доработке», «Я полностью контролирую свое тело», «Оно мне подчиняется». Контролирующее отношение характерно для бравирующих маскулинностью респондентов.

Почти у 60% опрошенных преобладает репрессивное отношение к телу (о партнерских отношениях с собственным телом свидетельствует только один респондент). Аналогичные высказывания превалируют обычно у подростков. При этом хотя эмоции по отношению к телу могут быть любыми, но при глубинном неприятии своего тела как части «Я» невозможна экзистенция, бытие в мире.

Субъектное отношение демонстрируют двое опрошенных. Ими тело воспринимается как часть «Я», «Я есть тело». Тело из биомеханической структуры

«превращается» в телесность, выражающую внутренний мир. Оно становится безусловной терминальной ценностью, означающей «быть живым», «быть собой». Такое отношение углубляет контакт с собой, увеличивает осознаваемое внутреннее пространство. Тело выступает в качестве равноправного субъекта, ощущается изнутри, имеет свои потребности и стремления: «Мое тело доставляет мне радость, восхищает меня, любит». Осознание самочувствия становится возможным, когда человек доверяет спонтанности, «мудрости тела», открывается внутреннему опыту «здесь и теперь».

В этом смысле отношение к телу чрезвычайно диагностично, так как, аккумулируя в себе значимые личностные характеристики, «лакмусовой бумажкой» проявляет психологическое здоровье: чем более остра психологическая проблематика, тем более объектно отношение к телу.

Тело выступает как система естественных символов. Образы нежелательных выпуклостей и раздувающихся животов в определенном отношении представляют собой метафору беспокойства по поводу неконтролируемых внутренних процессов: ничем не сдерживаемого желания, безудержного голода, спонтанных импульсов. Образы извергающейся плоти используются в фильмах ужасов и кинокартинах об оборотнях. Идеальным считается ровное, подтянутое тело: тело, которое не выпускает лишнюю плоть наружу, внутренние процессы которого контролируются. Дряблые, рыхлые части тела призваны вызывать отвращение даже на очень худых телах. Удаление целлюлита, как и липосакция, — стремление к плотному, упругому, подтянутому телу. Мэри Дуглас, рассматривая тело как систему естественных символов, воспроизводящих социальные категории и зоны напряжения, утверждает, что беспокойство по поводу сохранения жестких телесных границ (манифестируемое в ритуалах и табу, связанных со слюной, экскрементами и строгим разграничением «внутреннего» и «внешнего»), очевиднее всего проявляет себя в сообществах, внешние границы которых подвергаются нападению. Соответственно, озабоченность «внутренним» контролем тела (то есть способностью управлять желаниями) вызвана отсутствием стабильности в системе, занятой макрорегулированием желаний в рамках социального тела [см.: 4].

В чем особенность мужского отношения к телу? Треть опрошенных «не имеют понятия», еще треть — описывают его как «снисходительное, потребительское (как девушки относятся к песику)», каждый пятый утверждает «особое внимание, уделяемое физическому развитию мужчинами». Только каждый десятый находит его «в познании своего тела и взаимодействии с ним». В отличие от женщин, мужчины не показывают своих тел, так же как и не показывают они и своих эмоций. Даже покрой женской одежды часто более свободный, доверяющий женщинам больше пространства, в котором можно «дать волю чувствам и расслабить конечности».

Техники и степень дисциплинирования тела весьма дифференцированы у женщин и мужчин. Феминистская критика утверждает, что контроль над телом — один из наиболее сильных механизмов патриархата. В культуре женские тела представляются как преуменьшенные и в некотором смысле «патологические» в сопоставлении с нормой мужской: мягкие, слабые, неопределенные, незначи-

тельные по сравнению с твердыми, сильными, определенными, содержательными телами мужчин. Описание женщины заперто в наборе дихотомий, в которых они представлены как обесцененные, незамеченные, молчаливые категории природы, тела, эмоций по контрасту с культурой, мышлением, разумом [см.: 4].

По мнению опрошенных мужчин, их телесный капитал («Очень скромный телесный капитал, ничего выдающегося») в большей степени составляет: здоровье, профессиональные навыки, умения и сноровка, манеры поведения, внешность, одежда и прическа. Удивили последние три параметра, которые превалировали над физической силой, стилем и телесными атрибутами статуса.

88,8% респондентов согласны с утверждением, что тело мужчины меняется. 70,3% — с тем, что отношение к телу у мужчин меняется... Из «Истории тела» Ж. Вигарелло известно [5], что тело, эволюционируя, становится на общем фоне все заметнее и подвижнее. Ему уделяется больше внимания. Чаше оно акцентируется. Меняются эстетические каноны, способы зрительного восприятия и изображения красоты. История красоты не ограничивается историей формы, но включает в себя экспрессию души (различные проявления внутреннего мира, интерес к которому рос очень медленно), обнаруживающей себя в позах и жестах; а также абстрактные характеристики, находящие выражение в теле (тонус, ритм, подвижность). В наши дни особую значимость приобрели мимика и жесты, незримо подчиненные музыке и ритмам. Прежде ценилось величавое тело, стало цениться тело деятельное.

Эмоциональная составляющая отношения к телу у опрошенных молодых мужчин отслеживается в ответах на вопрос анкеты «Когда вы наиболее остро ощущаете свое тело?». Чаше всего, отмечают респонденты, — это эмоциональные всплески «во время секса, оргазма, радости»; на тренировках, при плавании; в состоянии уязвимости, боли; во время измененных состояний сознания «на сцене, во время прослушивания музыки и танца». Если разделить, то получатся: физические ситуации (напряжение, активность или изнурение, усталость), или публичность, или секс (совмещает некоторую публичность и физическое напряжение). Положительные эмоции при объектном отношении связаны с повышением уровня собственной эффективности в плане достижения каких-то целей, неудовлетворенность же — с его занижением. При субъектном отношении эмоции относительно себя определяются состоянием удовлетворения и фрустрации потребностей, связанных с самовыражением и самореализацией, с поиском смысла жизни.

Малая сензитивность, демонстрируемая опрошенной выборкой, с учетом того, что каждый пятый в ней танцует профессионально, характеризует общее, мало-эмоциональное отношение мужчин к телу: только 56,7% считают, что настоящий мужчина может показывать свои чувства. Тело почти не представимо респондентами при восприятии искусства.

Удивляет также недостаток фантазий, относящихся к внутренним влечениям и аффектам. Возможно констатировать некоторую алекситимичность, которая особенно велика у психосоматиков. В нашей выборке, по их собственным оценкам, таких четверть. Сознание и выражение чувств полезны для индивида: они облегчают межличностные отношения и развивают способность человека желать.

Средства массовой информации ежедневно фрустрируют нас указаниями на то, как эффективнее репрессировать собственное тело. Мы постоянно слышим о том, что наши тела должно держать под контролем. Нас обязывают неустанно трудиться, чтобы сокращать размеры своего тела, делать его поверхность гладкой, бороться с его запахами и растущими из него волосами [4]. Аффекты этой дисциплинирующей махины — страх, вина и стыд. Угрожающее «женское начало» ассоциируется с поглощением и телесностью, противопоставляется «мужской» способности к волевому усилию и контролю. Внушив нам отвращение к нашим «диким», «не-совершенным» телам, «индустрия красоты» торжествует, рекомендуя способы «решения проблемы»: от диет, упражнений, консультаций разных специалистов, косметических средств и процедур до хирургических модификаций. Подобный репрессивный способ «мыслить тела» распространяется, захватывая и другие группы потребителей: дети, мужчины, люди старшего возраста все чаще становятся целевой аудиторией «индустрии красоты» и идеологии «обезжиривания» [4].

Поведение по отношению к телу. Практики работы с телом

Мы способны понять лишь тот мир,
который создадим сами.

Ф. Ницше

Согласно Н. И. Сарджвеладзе, конативная сторона объектного само-отношения характеризуется повышенным самоконтролем, манипулированием собой, направленностью на самокоррекцию. При субъектном отношении действия относительно «Я» определяются усилиями, способствующими самовыражению и самореализации, способствуя повышению уровня пластичности жизнедеятельности. Субъектное отношение, в отличие от объектного, основывается на самопринятии и стремлении «быть самим собой» [2]. Объектом самоконтроля в прежние эпохи были желания души. В современном — им становится тело, его количественные параметры. С чем это связано? Могу только предположить несколько вариантов: с простотой, близостью, доступностью тела, принятыми нормами относительно него...

Новейшие ритуалы заботы о себе становятся все более технологичными. К традиционным начиная с XIX в. диетам и воздержанности в питании добавляются изощренные физические упражнения (бодибилдинг, шейпинг, пилатес и пр.), фармакология и косметическая хирургия, распространяются в рамках консьюмеристской культуры испытания на прочность типа триатлона, марафона, сверхдальних заплывов и т. п. Между голоданием аноректика и наращиванием мышц бодибилдера разница мала. Обе практики исходят из идеи тотального контроля над собой, прежде всего контроля над параметрами тела [6].

Возможно, эта тенденция увязывается с новым представлением о природе власти. Уже в первой половине XX в. «властвовать» означало не столько обладать материальными благами и накапливать их, сколько организовывать труд других людей и перераспределять ресурсы. Умение организовывать и распределять —

и новый прием управления телом: «господствовать» означает также и управлять своим телом, а «потреблять» — потреблять символически: радоваться тому, что можно обойтись без накопления запасов. В консьюмеристских навыках контроля над телом отражена мечта о бессмертии. Эта мечта подкрепляется теперь не религиозными или философскими размышлениями, а научными «фактами». Теперь незачем желать слиться с Богом, но важно консервировать тело крепким, стройным и эластичным. При таком понимании стратегии контроля над весом, например, явно провокативны. В глянцевах журналах смерть, страдание, боль отсутствуют, вытеснены. А одержимость диетами и контролем отвлекают и от включенности в радости существования.

Почти 60% опрошенных нами мужчин свидетельствуют о наличии индивидуальных практик тела. Для 27% опрошенных, указавших их отсутствие, отмечу, что при доминировании патриархальных ценностей телесная мудрость игнорируется так же, как все немужское. Чувствующее начало, женский принцип затенен в обществе: «Мудрость женщины, обретаемая через отождествление с телом, землей, богиней-матерью, не почиталась, но осмеивалась и отвергалась», — отмечает психотерапевт Джудит Дерк [см.: 7]. Физические практики тела составляют половину из всех упомянутых, «психологические» — 27,6%, остальное — «всего понемногу» (гигиена, профилактика; прислушиваться к собственному телу, регулируя нагрузки и отдых; поиск новых состояний; индивидуальный подход, и индивидуальный ритм жизни; музыка).

Способы справляться с болью. «Быть больным» и «нуждаться в помощи» культурно репрезентируются как характеристики фемининности, связанные с уязвимостью, слабостью и потерей контроля над телом. Многие мужчины, утверждая маскулинность, демонстрируя отличия от женщин, игнорируют симптомы болезни, не получают необходимую медпомощь, целенаправленно идут на риски, чтобы продемонстрировать бесстрашие, безразличие к своему самочувствию и уверенное владение собственным телом [см.: 3]. Поэтому, наверное, у половины наших респондентов главным способом справиться с болью является «претерпевание», почти столько же используют психологические практики, у трети — «замещение, вытеснение, игнор», у четверти — фармакология. Чем младше респонденты, тем более деструктивные практики они используют.

«Балетное тело» респонденты описывают отлично от тел из других социально-профессиональных сфер: «тело артиста балета отличается от тела среднестатистического человека в той же степени, что и мозг Эйнштейна от среднестатистического мозга» (опрошенный П., 33 года). Его характерные особенности: «точное средство производства» (37% опрошенных), с развитой эмоциональной чувственностью (18,4% — вот, оказывается, кому отдана чувственность!) и трепетным отношением к телу (20,3%). В когнитциях у танцующих — лучшее знание тела, в эмоциях — пластичность, в поведении — гармония. Тела из других социально-профессиональных групп описываются так: «Телесный капитал девальвируется за счет производственных травм и заболеваний, приобретаемых в процессе труда, дефицита времени на восстановление сил организма после работы. Немногие склонны заботиться о здоровье и осуществлять инвестиции в свою телесность» [9].

**«Театр маскулинности»:
гендерные проблемы телесности**

Отрицание того, что делают другие,
связывает с ними.

Виктор Шкловский

Ученые фиксируют «кризис маскулинности» [8], характеризующийся невозможностью соответствовать классическим социальным образцам традиционной мужественности, несамосохранным телесным поведением, деструктивными телесными практиками, вредными привычками, несчастными случаями, высокой подверженностью заболеваниям, депрессивными настроениями и самоубийствами мужчин. В России мужчины в значительной степени подвержены различного рода рискам.

Что позволяет говорить о «Театре маскулинности»? Мужественность оказывается пространством, где примеряются различные роли, идентичности, способы презентации себя в качестве мужчины. Концепция «видимости мужественности» (С. Ушакин) описывает два принципиальных аспекта мужской идентичности. Один позволяет говорить о мужественности как о показательном, инсценированном явлении, предполагающем определенного зрителя [11]. Другой провозглашает идею «видимости», акцентирующей иллюзорный, символический характер мужественности. 54% наших респондентов считают, что мужчина всегда должен хорошо выглядеть, 51,3% из них убеждены, что мужчина должен быть сексуально привлекательным. Пространство маскулинности в молодежной среде рассматривается как «театр маскулинности».

Понимание своего тела не как крепости, а как «представления», перформанса расширяет возможности индивидуального творчества, инновации, нарушения привычных границ и рамок. Раньше потребность демонстрировать себя другим и кокетство считались исключительно женскими чертами. У мужчин оно казалось проявлением эксгибиционизма, а напряженное внимание к собственному Я подпадало под категорию нарциссизма. «Субъектности» здесь ничуть не меньше, чем в традиционной маскулинности. Возможно, это более тонкая и подвижная субъективность.

Определение мужественности подпадает под стереотипное у 73,9% опрошенных. Явно представлены агрессивные, энергичные, силовые качества. Не является ли это проявлением «мачизма»? «Мачизм проявляет себя в китче традиционными признаками маскулинности, прежде всего физической силой, агрессивностью и сексуальной активностью» [см.: 11]. Это патриархальная модель построения отношений мужчины с окружающим его миром. «Мачо» чтит ценности, которые культура ассоциирует с мужским началом, высказывая презрение ко всему, что связано с женским. Женщина, женское оказываются культурно-обесцененными, маргинализуются или полностью выталкиваются за пределы «культуры». Также характерной чертой мачистского стиля выступает риторика «победителя» вкупе с гедонизмом. Для мачо женщина — сексуальный объект, наличие и использование которого являются непременным условием утверждения

собственной маскулинности. Сексуальная валидность мачо несомненна, поэтому всегда должно быть достаточно женщин, чтобы удовлетворять его аппетиты. Мужчина становится мужчиной в социальном поле, если он приобретет набор фаллических товаров-символов, включая женщин. «В своем поведении женщина должна приспосабливаться к мужчине», считают 27% респондентов, при этом только треть полагают, что ответственность за ситуацию в семье не лежит на женщине. Четверть никогда не испытывают сомнения в собственной мужественности, «почти никогда» — еще 16,6% респондентов. Происходит жесткая гендерная поляризация с минимальным наличием качеств, гендерно не ангажированных.

«В своем поведении женщина иногда должна приспосабливаться к мужчине», убеждены 51,8%; столько же декларируют: «ответственность за ситуацию в семье иногда лежит на женщине»; «ответственность за материальный достаток в семье» берут на себя 48,1%; столько же отрицают, что «мужчина в большей степени агрессивен, а женщина миролюбива».

«Забота, опека, защита» репрезентируются как мужские качества у 56,7% опрошенных, столько же убеждены, что мужчина — это всегда защитник. Опрошенные предпочитают роли отца, друга, мужа, отлынивая от роли сына и гражданина. Свидетельствует ли это о падении роли семьи, перераспределении функций? Скорее, об изменении. Отметим смену ориентиров: типичная дихотомия «мужское — женское», где мужчина, силен, активен, агрессивен, а женщина, покорна, чадолюбива и соглашательна, разрушается.

В противовес мачистской направленности выступает «метросексуальная»: опрошенные нами мужчины по большей части считают, что мужчина всегда должен хорошо выглядеть и быть сексуально привлекательным (по мнению 55,5% респондентов). 75,9% не признают, что «если мужчина способен обеспечить семью, то он имеет право запретить женщине работать»; половина отрицают, что в сексуальном взаимодействии мужчины должны выступать инициаторами, а женщины — демонстрировать пассивность. 57,4% отказываются признать, что настоящий мужчина не должен показывать свои чувства.

В заключение отметим, что анкета вызвала у респондентов искренний интерес, отмечена высокая активность при ответах на открытые вопросы, добавлениях после опроса и благодарности за возможность поразмышлять над предложенной темой.

Сегодня тема телесности освещается в средствах массовой информации зачастую с помощью консьюмеристского и медицинского типа дискурсов. Это приводит к тому, что молодым мужчинам затруднительно говорить о своей телесности, она воспринимается фрагментарно, в соответствии с навязываемыми потребительскими ценностями. Тело — посредник любой коммуникации. Проблема недовольства своим телом часто оказывается запросом на проведение глубокой личностной работы, такой как психологическое консультирование и психотелесные практики, результатом которых становятся интерес к самопознанию и принятие своего тела, разрешение внутренних конфликтов, препятствующих комфорту и личностному росту человека. Чем успешнее протекает процесс самоактуализации, чем более человек одухотворяется, тем полнее он обретает свою телесность.

Поддержание постсоветской культурой традиционных образов мужчины как активной, агрессивной и доминантной сущности и реальное положение мужчины в обществе представляют собой социокультурное противоречие, приводящее к гендерному конфликту. Трудности формирования гендерной идентичности у мужчин сопряжены с изменением первичной (с помощью по преимуществу женского воспитания) фемининной идентификации на маскулинную в условиях сильного нормативного давления и трансформации традиционного образа мужественности.

Мужественность — явление глубинное, требующее времени и места для своей реализации. Покой при этом есть не что иное, как видимость, прием маскировки энергичных процессов, идущих в глубине.

ЛИТЕРАТУРА

1. Псковский статистический ежегодник: в 2 т. Т. 1. Псков: Псковстат, 2012. 202 с.
2. *Леви Т. С.* Отношение к телу в структуре самоотношений // Телесность.ру. URL: <http://telesnost.ru> (дата обращения: 3.05.2015).
3. *Подорога В.* Выражение и смысл. Ландшафтные миры философии: Серен Киркегор. Фридрих Ницше. Мартин Хайдеггер. Марсель Пруст. Франц Кафка. Серия: «Философия по краям». М.: Ad Marginem, 1995. 447 с.
4. *Ярская-Смирнова Е., Романов П.* Образ власти и власть образа. Большое тело в культуре // Теория моды: одежда, тело, культура. 2011. № 18. С. 91–116.
5. *Вигарелло Ж.* Искусство привлекательности: История телесной красоты от Ренессанса до наших дней. М.: Изд-во НЛО, 2013. 432 с.
6. *Шадрина А.* Отвергнутые тела: как медиа заставляют нас ненавидеть себя. URL: <http://www.b17.ru/blog/12272> (дата обращения: 30.08.2014).
7. *Бордо С.* Интерпретация стройного тела // Теория моды: одежда, тело, культура. 2014–2015. Вып. 34. Зима. С. 81–105.
8. *Белокурова М.* Репрессированное тело как социально-культурный симптом // Тренинговый центр Тертон. URL: <http://www.terton.ru/biblioteka/repressirovannoe-telo-kak-sotsialno-kulturnyy-simptom.html> (дата обращения: 30.08.2014).
9. *Ваньке А. В.* Семантика маскулинной телесности в пространстве социальных различий: автореф. дисс. канд. соц. н. // Официальный сайт ИС РАН. 2013. URL: <http://www.isras.ru/publ.html?id=2766> (дата обращения: 3.05.2015).
10. *Шкловский В.* Еще ничего не кончилось... М.: Пропганда, 2002. 461 с.
11. *Ушакин С.* Видимость мужественности // Знамя. 1999. № 2 [Электронный ресурс]. URL: <http://adv.stars.ru/magazine/znamia/n2-99/ushakin.htm> (дата обращения: 03.05.2015).
12. *Кись О.* Больше чем тело. URL: <http://www.zn.ua/3000/3050/63147> (дата обращения: 3.05.2015).